

КРИСТИН ХАРМЕЛЬ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА
«ЗАБВЕНИЕ ПАХНЕТ КОРИЦЕЙ»

КНИГА
УТРАЧЕННЫХ
ИМЕН

Захватывающая, трогаящая сердце история о том,
что не должно быть забыто. — *Library Journal*

КРИСТИН ХАРМЕЛЬ

КНИГА
УТРАЧЕННЫХ
ИМЕН

16+

Kristin Harmel
THE BOOK OF LOST NAMES

Copyright © 2020 by Kristin Harmel Lietz
Published in the Russian language by arrangement with *Nova Littera SIA*
Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2022

Перевод с английского Наталии Нестеровой

Хармель К.

Книга утраченных имен / Кристин Хармель ; [пер. с англ. Н. Нестеровой]. — М. : Синдбад, 2022.

ISBN 978-5-00131-404-2

Эта книга — основанный на реальных событиях времен Второй мировой войны во Франции рассказ о двадцатитрехлетней девушке Еве, которая, используя свой талант художника для изготовления поддельных документов, помогает сотням еврейских детей бежать от нацистов в нейтральную Швейцарию. Дети получают новые, вымышленные имена и не смогут долго помнить свои настоящие. Ева и ее возлюбленный Реми решают сохранить их настоящие имена и зашифровывают их в старинной книге, которой дают название «Книга утраченных имен». В результате предательства ячейка Сопротивления прекращает работу, Реми пропадает, книга оказывается в руках нацистов... Спустя десятилетия живущая в Америке Ева узнает о том, что книга находится в Берлинской библиотеке, и покупает билет на самолет...

Правовую поддержку издательства обеспечивает юридическая фирма «Корпус Права»
Korpus Prava

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство
«Синдбад», 2022

Посвящается моим сестрам из Суон-Вэлли: Венди, Эллисон, Алисон, Эмили и Линде, которые понимают, как могут понять только пишущие и читающие люди, что книги меняют судьбы.

А также всем продавцам книжных магазинов и библиотекарям, которые прилагают столько усилий, чтобы книги — а они ведь способны изменить жизнь — оказались в руках тех, кому они больше всего нужны.

Глава 1

Май 2005

Она попалась мне на глаза в субботу утром в разгар моего рабочего дня в публичной библиотеке Винтер-Парка.

Книга, которую я в последний раз видела больше шестидесяти лет назад.

Книга, которую считала безвозвратно утраченной.

Книга, которая была для меня всем.

Она оказалась прямо передо мной, на фотографии в «Нью-Йорк таймс», оставленной кем-то развернутой на стойке для возврата книг. Я взяла газету, и мир вокруг погрузился в тишину; моя рука дрожала почти так же сильно, как и в тот день, когда я в последний раз держала эту книгу. «Этого не может быть», — шептала я.

Я смотрела на фотографию. С нее на меня глядел мужчина: лет семидесяти, с тонкими и редкими снежно-белыми волосами и широко поставленными, слегка навывкате глазами за выпуклыми стеклами очков.

Заголовок в газете гласил: «Через шестьдесят лет после окончания Второй мировой войны немецкий библиотекарь ищет законных владельцев, чтобы вернуть им украденные книги». Мне хотелось крикнуть этому мужчине на фотографии, что я и есть законная владелица книги, которую он держит в руках, этого фолианта в потускневшем кожаном переплете, отклеившемся в правом нижнем углу, и с названием на позолоченном корешке: «Послания и Евангелия». Она принадлежала мне и Реми — мужчине, который давным-давно умер и о котором после войны я поклялась никогда больше не вспоминать.

Но, несмотря на все мои старания, на этой неделе я все-таки думала о нем. Ведь завтра — восьмое мая и мир будет

праздновать шестидесятую годовщину победы в Европе. В этот день, когда все молодые телеведущие станут говорить о войне с таким торжественным видом, словно они и правда способны понять, какой была та война, мне невольно придется вспомнить о Реми. О времени, которое мы провели вместе, о людях, которых мы спасли, и о том, чем все это закончилось. Мой сын утверждал, что мне несказанно повезло сохранить столь острый ум в преклонном возрасте, но у каждого дара есть своя обратная сторона.

Очень многое мне хотелось бы забыть.

Я старалась прогнать от себя непрошенные воспоминания о Реми и сосредоточилась на статье. Человека на фотографии звали Отто Кюн, он — сотрудник Берлинской Центральной и Земельной библиотеки, и делом его жизни стало возвращение книг, украденных нацистами. Очевидно, что в его библиотеке собраны тысячи подобных книг, но та, которую он держал в руках — моя книга, — по его словам, не давала ему спать по ночам.

«Это религиозное сочинение, — поведал Кюн репортеру, — мое любимое среди множества хранящих тайны сокровищ, которые можно найти у нас на полках. Книга напечатана в Париже в 1732 году, она очень редкая, но не это делает ее такой необыкновенной. Уникальность книги заключается в том, что внутри нее мы обнаружили интригующую головоломку — нечто вроде шифра. Кому он принадлежал? Что означал этот код? Как книга попала в руки немцев во время войны? Эти вопросы преследуют меня все время».

Я чувствовала, как слезы наворачиваются на глаза, хотя сейчас они были совершенно неуместны. Я смахивала их, сердясь на себя за то, что спустя столько лет я все еще даю волю эмоциям. «Не так уж и плохо, — тихо сказала я фотографии Кюна, — когда вас преследуют вопросы, а не призраки».

— Хм, миссис Абрамс? Вы что, разговариваете с газетой?

Голос младшего библиотекаря Дженни Фиш рассеял туман моих воспоминаний. Она относилась к тому типу людей, кто готов жаловаться по любому поводу. Похоже, ей доставляло

особое удовольствие намекать мне, что в мои восемьдесят шесть лет пора уже подумать о выходе на пенсию. Она всегда с подозрением разглядывала меня, словно не могла поверить, что у человека моего возраста остается искреннее желание здесь работать. Она не понимала, как можно любить книги так страстно, что порой кажется: без них ты просто умрешь, перестанешь дышать и существовать. По правде говоря, мне представлялось странным, почему она вообще стала библиотекарем.

— Да, Дженни, разговариваю, — ответила я, не поднимая глаз.

— Но, наверное, вам не стоит так поступать на виду у посетителей библиотеки, — заметила она без намека на иронию. — Вдруг они подумают, что у вас старческое слабоумие? — У нее напрочь отсутствовало чувство юмора.

— Спасибо, Дженни, за, как всегда, дельный совет.

Дженни мрачно кивнула. Совершенно очевидно, что она не улавливала сарказм маленькой седовласой бабули, на который та все еще способна.

Но в данный момент у меня не было на нее времени. Все мои мысли занимала книга. Книга, которая таила в себе так много секретов. Книга, которую у меня забрали, прежде чем я успела выяснить, есть ли в ней ответ на один-единственный и необычайно важный для меня вопрос.

А теперь возник этот мужчина, в руках у которого — разгадка, способная пролить на все свет; и нас отделяет друг от друга лишь один перелет.

— Но осмелюсь ли я? — шепнула я фотографии Отто Кюна. И ответила на собственный вопрос, прежде чем сомнения успели закрасться в душу: — Я должна. Я обязана ради детей.

— Миссис Абрамс? — Дженни снова обратилась ко мне по фамилии, хотя я тысячу раз просила ее называть меня Евой, ведь других, более молодых библиотекарей, она звала по именам. Но, увы, я для нее всего лишь старая леди. Это одна из неизбежных особенностей старости — с годами твоя личность в глазах окружающих постепенно стирается.

— Да, Дженни? — Я наконец-то удостоила ее взглядом.

— Вы не хотите пойти домой? — Вероятно, она спрашивала, ожидая, что я откажусь. На ее губах появилась легкая усмешка, она была уверена, что утвердила свое превосходство надо мной. — Чтобы немного прийти в себя.

С невероятным удовольствием глядя ей прямо в глаза, я улыбнулась:

— Да, Дженни, большое спасибо. Думаю, именно так я сейчас и поступлю.

Взяв с собой газету, я ушла.

Вернувшись к себе — в уютный дом с верандой, находившийся всего в пяти минутах ходьбы от библиотеки, — я включила компьютер.

Да, у меня был компьютер. И я умела им пользоваться. У моего сына Бена отвратительная привычка: в моем присутствии он нарочито медленно произносил компьютерные термины: «ин-тер-нет», «э-лек-трон-на-я по-чта», как будто я не способна разобраться во всех этих технологиях. Но я особо не винила его. Он появился на свет через восемь лет после окончания войны, к тому времени я уже покинула Францию и мое прошлое осталось там. Бен знал меня как библиотекаря и домохозяйку, не всегда способную четко выразить свои мысли на английском.

Со временем у него сложилось превратное мнение, будто я была самым заурядным человеком. Как бы он отреагировал, если бы узнал правду? Я сама виновата, что никогда не рассказывала ему, не пыталась исправить эту ошибку. Но вы не представляете, как это тяжело — выбраться из надежной и уютной защитной оболочки, в которой ты привыкла скрываться, и сказать: «Вообще-то, друзья, *вот* кто я на самом деле».

Возможно, я также боялась, что отец Бена, мой муж Луис, уйдет от меня, если узнает, что я совсем не такая, какой он хотел меня видеть. Он все равно покинул меня десять лет назад из-за рака поджелудочной железы. Я скучала по его обществу, хотя

меня не покидала странная мысль, что я и раньше вполне смогла бы без него обойтись.

Я зашла на сайт «Дельты», — видимо, эта привычка осталась у меня с тех пор, когда Луис часто летал в деловые поездки и был участником бонусной программы этой авиакомпании. Цены на билеты просто заоблачные, но у меня неплохие сбережения. Сейчас около полудня, один рейс вылетал через три часа, и еще один — в 21:35 с пересадкой в Амстердаме завтра утром и прибытием в Берлин в 15:40. Я немедленно купила билет на последний рейс. Есть нечто символическое в том, что я прилечу в Берлин ровно через шестьдесят лет после того, как в этом самом городе немцы подписали Акт о безоговорочной капитуляции перед союзниками.

По телу пробежала дрожь — то ли от страха, то ли от предвкушения.

Мне нужно собрать вещи, но сначала — позвонить Бену. Он меня не поймет, но, возможно, ему пора узнать, что его мать — совсем не та, кем он ее всегда считал.

Глава 2

Июль 1942

Серое небо над библиотекой Сорбонны в Пятом округе Парижа в любую минуту грозило разразиться дождем, воздух был тяжелым и плотным. Ева Траубе, стоя у входных дверей, мысленно проклинала влажность. Даже не глядя в зеркало, она знала, что ее темные волосы до плеч увеличились в объеме в два раза, придавая ей сходство с грибом. Впрочем, это не имело никакого значения; все равно люди обращали внимание только на шестиконечную желтую звезду, пришитую слева на ее кофте. Эта звезда перечеркивала все остальные черты ее индивидуальности — такие, как дочь, подруга, англофил, пишущий дипломную работу по английской литературе.

Для большинства парижан теперь она была всего лишь еврейкой.

Она вздрогнула, неожиданно почувствовав холод. У неба был зловещий вид: оно словно знало нечто неведомое ей. Мрак, возникший из-за сгущающихся туч, казался физическим воплощением той тьмы, которая накрыла весь город.

«Мужайся, — говорил ее отец, французский которого до сих пор был далек от совершенства, и в нем все еще слышался польский акцент. — Не вешай нос. Немцы смогут причинить нам беспокойство лишь в том случае, если мы сами им это позволим».

Но его оптимизм не соответствовал реальности. Немцы совершенно свободно доставляли французским евреям множество неприятностей, не спрашивая разрешения у Евы и ее родителей.

Ева снова посмотрела на небо и задумалась. Она собиралась вернуться домой пешком, чтобы не пользоваться метро, где ввели новые правила: евреи теперь могли ездить только в

последнем, самом жарком и душном вагоне. Но раз вот-вот начнется дождь, то, возможно, лучше бы спуститься в подземку.

— А, *mon petit rat de bibliothèque*¹, — слышался низкий голос у нее за спиной, выдернувший Еву из ее размышлений. Даже не оборачиваясь, она поняла, кто это, ведь только один из Евиных знакомых ласково называл ее «моим маленьким книжным червем».

— *Bonjour*², Жозеф, — сухо ответила она, почувствовав, как загораются ее щеки, — он ей нравился, и это ее смущало. Жозеф Пелетье, один из немногих студентов факультета английского языка, носивший желтую звезду, в отличие от нее был евреем только наполовину и не соблюдал религиозных традиций. Жозеф, высокий, широкоплечий, с густыми темными волосами и светло-голубыми глазами, напоминал кинозвезду. И Ева знала, что многие девчонки с ее факультета согласились бы с ней, даже католички, чьи родители не допустили бы, чтобы за их дочерьми ухаживал еврей. Впрочем, Жозеф был не из тех, кто привык ухаживать. Скорее, он попытался бы соблазнить вас в темном углу библиотеки, а затем оставил бы на грани обморока.

— У тебя ужасно задумчивый вид, малышка, — сказал он, улыбаясь и целуя ее в обе щеки в знак приветствия. Его мать знала Еву с рождения, и он обращался с ней так, словно она все еще маленькая девочка, как в их первую встречу, хотя теперь Еве было уже двадцать три, а Жозефу — двадцать шесть лет.

— Да вот размышляю, пойдет дождь или нет, — ответила она, отстраняясь от него, прежде чем он успел заметить, как она зарделась от его прикосновений.

— Ева. — От того, как он произнес ее имя, ее сердце учащенно забилось. Когда она осмелилась снова посмотреть на него, его взгляд был полон тревоги. — Я искал тебя.

— Зачем? — На мгновение у нее появилась надежда, что он скажет: «Чтобы пригласить на обед». Но нет, мысль абсолютно нелепая. Да и куда они могли пойти? Для людей, которые носили желтые звезды, все заведения были закрыты.

Он наклонился к ней:

— Чтобы предупредить. Говорят, назревает нечто нехорошее. Массовые аресты. В пятницу. — Он горячо дышал ей в ухо. — У них в списке двадцать тысяч евреев, родившихся за границей.

— Двадцать тысяч? Но этого не может быть!

— Еще как может. Моим друзьям стоит верить.

— Твоим друзьям? — Их взгляды встретились. Разумеется, она слышала о подполье, о людях, которые вели подрывную деятельность против нацистов в Париже. Неужели он их имел в виду? Да и кто еще мог обладать такими сведениями? — Почему ты так уверен, что они правы?

— А почему ты в этом сомневаешься? Думаю, тебе и твоим родителям лучше спрятаться где-нибудь в ближайшие несколько дней. На всякий случай.

— Спрятаться? — Отец Евы ремонтировал пишущие машинки, мать подрабатывала портнихой. Денег едва хватало на то, чтобы заплатить за квартиру, и о том, чтобы найти отдельное место для укрытия, не могло быть и речи. — Может, нам сразу снять номер в «Ритце»?

— Ева, это не шутка.

— Я не люблю немцев так же, как и ты, Жозеф, но двадцать тысяч человек? Нет, я в это не верю.

— Тогда просто будь осторожна, малышка. — В это мгновение небеса разверзлись. Жозеф растворился за пеленой дождя, исчез в море зонтиков, раскрывшихся над ведущими от библиотеки дорожками между фонтанами.

Ева выругалась себе под нос. Дождевые капли обрушились на мостовую, заблестевшую в полумраке сумерек, как будто ее полили маслом, и едва Ева сбежала со ступенек, чтобы направиться в сторону улицы дез-Эколь, как сразу же промокла до нитки. Она попыталась натянуть кофту на голову, чтобы защититься от ливня, но звезда, которая была размером с ее ладонь, оказалась прямо над ее лбом.

— Грязная жидовка, — пробормотал проходивший мимо мужчина, чье лицо было скрыто зонтом.

Нет, сегодня Ева не поедет в метро. Она глубоко вздохнула и побежала в сторону реки, над которой, словно глыба, возвышался собор Парижской Богоматери. Домой.

— Как дела в библиотеке? — Отец Евы сидел во главе их маленького стола. Мать, в обтягивающем ее полное тело изношенном хлопковом платье и с вылинявшей косынкой на голове, разливала жидкий картофельный суп — сначала в его тарелку, а затем в тарелку Евы. Они все попали под дождь, и теперь их свитера висели и сушились у открытого окна, а желтые звезды безмолвно взирали на них, как три маленьких солдатики, выстроившихся в шеренгу.

— Все замечательно. — Ева дождалась, пока мать сядет, и только потом приступила к скудной трапезе.

— Не знаю, зачем ты продолжаешь туда ходить, — удивилась Евина мама. Она поднесла ко рту ложку с супом и сморщила нос. — Тебе все равно не позволят защититься.

— Все еще изменится, *tamusia*³. Я в этом уверена.

— Твое поколение такое оптимистичное, — вздохнула ее мама.

— Ева права, Файга. Рано или поздно немцам придется отменить эти правила. Они совершенно бессмысленные. — Отец Евы улыбнулся, но они все понимали, насколько фальшивой была эта улыбка.

— Спасибо, *tatus*⁴. — Ева и ее родители до сих пор ласково обращались друг к другу по-польски, хотя Ева родилась в Париже и никогда не бывала на родине своих родителей. — Как ты сегодня поработал?

Отец посмотрел на свою тарелку с супом.

— Месье Гужон не знает, как долго еще он сможет платить мне жалованье. Возможно, нам придется... — Он быстро взглянул на мамусю, а потом на Еву: — Возможно, нам придется покинуть Париж. Если я потеряю эту работу, то никуда больше не смогу устроиться.

Ева понимала, что рано или поздно этот момент наступит, и все равно эти слова прозвучали для нее как удар в живот. Она знала, что, если они уедут из Парижа, она уже никогда не вернется в Сорбонну и не защитит диплом по английской литературе, над которым так усердно работала.

Над отцом уже давно нависла угроза увольнения, еще с того момента, как немцы стали систематически исключать евреев из французского общества. Но его репутация лучшего во всем Париже мастера по починке пишущих машинок и мимеографов до сих пор спасала его, хотя ему и не позволяли больше работать в государственных учреждениях. Однако месье Гужон — его старый начальник — сжалился над ним и платил за сторонние заказы, которые отец Евы обычно выполнял дома. Сейчас в гостиной стояло одиннадцать пишущих машинок в разной степени разобранности, а значит, впереди его ждала долгая рабочая ночь.

Ева глубоко вздохнула и попыталась найти хоть что-то хорошее в сложившейся ситуации.

— Может, это и к лучшему, если мы уедем, папа.

Он удивленно посмотрел на нее, мать молчала.

— К лучшему, *śłoneczko*? — Отец всегда называл ее так. По-польски это означало «солнышко», и ей стало интересно, понимал ли он, сколько горькой иронии заключалось теперь в этом обращении. Ведь что такое солнце, как не желтая звезда?

— Понимаешь, я сегодня встретила Жозефа Пелетье...

— Ах, Жозеф! — перебила ее мать, прижимая к щекам ладони, как влюбленная школьница. — Такой красивый мальчик! Он наконец-то пригласил тебя на свидание? Я всегда надеялась, что вы когда-нибудь поженитесь.

— Нет, мамуся, дело не в этом. — Ева переглянулась с отцом. Похоже, мамуся была до абсурда заиклена на желании подыскать дочери подходящую партию, и это в самый разгар войны. — Он искал меня, так как хотел кое о чем рассказать. До него дошли слухи, что в ближайшие несколько дней

планируется облава, в списках — двадцать тысяч евреев, родившихся за границей.

Мать Евы нахмурилась:

— Но это какой-то вздор. Что они будут делать с двадцатью тысячами таких, как мы?

— Но он так сказал. — Ева посмотрела на отца, который до сих пор не проронил ни слова. — Татуш?

— Конечно, это пугающее известие, — сказал он после долгой паузы, очень медленно, обдумывая каждое слово. — Но мне кажется, Жозеф из тех, кто любит все преувеличивать.

— Нет, что ты! Он очень милый молодой человек, — тут же возразила ему жена.

— Файга, он так расстроил Еву и ради чего? Хотел, гордо выпятив грудь, показать, что у него с ней много общего? Хороший молодой человек так бы не поступил. — Отец повернулся к Еве: — Солнышко, я не собираюсь пренебрегать словами Жозефа. И я соглашусь, что-то действительно назревает. Но за этот месяц до меня доходило с дюжину разных слухов, и этот — самый невероятный. Двадцать тысяч? Такого быть не может!

— А если он все-таки прав?

Ничего не ответив, отец встал из-за стола и через несколько секунд вернулся, держа в руке небольшую напечатанную листовку, и вручил ее Еве; та тут же пробежала ее глазами. «Примите все меры, чтобы найти укрытие... Сражайтесь с полицией... Попытайтесь убежать».

— Что это? — шепотом спросила она, отдавая листовку матери.

— Вчера просунули нам под дверь, — ответил отец.

— Почему ты нам не сказал? Это похоже на предупреждение, и то же самое мне сообщил Жозеф.

Он медленно покачал головой:

— Это уже не первая такая листовка, Ева. Немцы правят нами не только с помощью оружия, но и страха. Если мы будем прятаться после каждого ложного предупреждения, они

победят, не так ли? Они лишат нас уверенности в завтрашнем дне, ощущения благополучия. Я не допущу этого.

— Как бы там ни было, но мы не сделали ничего плохого, — вмешалась мать. — Мы приносим пользу обществу.

— Не думаю, что в конечном счете это будет иметь какое-то значение. — Отец наклонился и похлопал Еву по руке, а затем коснулся щеки матери. — Но сейчас нам нечего бояться. Так что давайте доедать суп, пока не остыл.

Ева уже потеряла всякий аппетит. Она возила кусочками картошки по тарелке, и ее желудок сжимался от тревоги, которую не смогли развеять слова отца.

Позже вечером, после того как мамуся пошла спать, отец нашел Еву в их маленькой библиотеке рядом с гостиной. Полки книжного шкафа были до отказа набиты книгами, которые они оба очень ценили. Он привил ей любовь к чтению, и это стало одним из величайших даров, который могут преподнести родители своим детям, — ведь, сделав это, он открыл перед ней целый мир. Вечерами Ева с отцом читали вместе в приятной тишине, но сегодня Ева была слишком расстроена. Сев на кушетку, она стала рисовать в своем блокноте. Эта привычка появилась у нее еще в детстве: когда она была взволнованна, то начинала рисовать людей и окружающие ее предметы, чтобы немного успокоиться.

— Солнышко, — тихо сказал отец.

Она подняла глаза, и карандаш замер над подробным эскизом скромной люстры, висевшей у нее над головой.

— Я думала, ты лег спать, татуш.

— Мне не спится. — Он сел рядом с ней. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Если немцы придут за нами с матерью, я хочу, чтобы ты немедленно отправилась к месье Гужону.

Ева с удивлением посмотрела на него.

— Ты же сказал, что не веришь Жозефу.

— Не верю. Но сейчас постоянно происходят ужасные события. Я буду дураком, если притворюсь, что с нами ничего подобного не может случиться. Но ты, солнышко, не должна

пострадать. Ты — француженка. Если нас схватят, беги, пока не станет хуже.

— Татуш...

— Если сможешь, постарайся добраться до свободной зоны... до Швейцарии, там ты будешь в безопасности. Дождешься конца войны. А потом мы приедем к тебе.

Неожиданно она оцепенела от огорчения. Свободная зона? Ее граница пролегла через много километров к югу от Парижа — немцы разрезали страну пополам, согласившись оставить одну половину французам. Швейцария вообще, казалось, находилась в каком-то другом мире.

— Почему мы не можем уехать все вместе? Прямо сейчас?

— Потому что мы сразу привлечем к себе внимание. Я хочу, чтобы ты была готова к тому, что однажды тебе, возможно, придется уехать. Тебе понадобятся документы, в которых не будет указано, что ты еврейка. Месье Гужон поможет тебе.

У Евы перехватило дыхание.

— Так ты уже говорил с ним?

— Да, Ева, и я заплатил ему. Отдал все свои сбережения. Он пообещал мне. У него есть все необходимое, чтобы приготовить для тебя поддельные документы. Это позволит тебе уехать из Парижа.

Она заморгала, пытаясь сдержать слезы.

— Я никуда не уеду без тебя, татуш.

Он взял ее за руки.

— Ты должна, Ева! Обещай, что в случае необходимости ты так и поступишь.

— Но...

— Я хочу, чтобы ты дала мне слово. Я не выживу, если не буду знать, что ты делаешь все для своего спасения.

Она посмотрела ему в глаза.

— Я обещаю. Но, татуш, у нас ведь еще есть время, правда? Придумать план, который позволит нам всем вместе уехать в свободную зону.

— Конечно, солнышко. Конечно. — Но он отвернулся. А когда снова посмотрел на нее, в его взгляде сквозило глубокое

мрачное отчаяние, и Ева поняла, что отец сам не верил своим словам.

Два дня спустя в начале пятого утра в их дверь постучали в первый раз. Ева крепко спала, ей снился свирепый дракон, кружащий над замком. Когда она вынырнула из ночного кошмара, ее грудь сжало от страха. «Жозеф был прав. Они здесь».

Она слышала, как отец идет по квартире, его шаги были медленными и размеренными.

— Татуш! — крикнула она, хватая халат и втискивая ноги в стоптанные кожаные ботинки, которые в последний год держала рядом с кроватью на случай, если придется бежать. Что еще ей понадобится, если к ним действительно придут немцы? Стоит ли собрать вещи? Хватит ли ей на это времени? Почему она не послушалась Жозефа?

— Татуш, я прошу тебя! — крикнула она, когда стук шагов отца смолк. Ей хотелось сказать ему, чтобы он подождал, остановил время, задержался в том мгновении, когда еще *ничего не произошло*, но она не могла найти слов. Она вышла из спальни в гостиную. И в этот момент увидела, как отец открывает дверь.

Ева, набросив халат, стала ждать, что немцы, которые наверняка стояли по другую сторону двери, будут лающими голосами отдавать приказы. Но вместо этого она услышала женский голос. А когда отец отошел в сторону, заметила, что его лицо немного посветлело. Через секунды мадам Фонтен — их соседка, живущая в конце коридора, — вошла за ним в квартиру со скорбным выражением лица.

— Папа? — спросила Ева, когда он обернулся. — Так это не немцы?

— Нет, солнышко. — Морщины на его лице еще не расслабились окончательно, и Ева поняла, что он по-прежнему напуган, как и она. — У мадам Фонтен заболела мать. Она хотела узнать, сможешь ли ты или твоя мама посидеть с ее дочерьми, пока она отведет ее к доктору Патеноду.

— Симона и Колетт спят, они не доставят особых хлопот, — сказала мадам Фонтен, отводя взгляд. — Им всего два и четыре годика.

— Я знаю, сколько им лет, — холодно сказала Ева. За день до этого Ева увидела девочек в парке. Она наклонилась к ним и поздоровалась. Старшая из них, Колетт, начала весело щебетать о бабочках и яблоках, но тут откуда ни возьмись появилась мадам Фонтен и быстро увела девочек прочь. Когда они скрылись за углом, Ева услышала, как мадам Фонтен внушала им, что общаться с евреями опасно.

— Я стучалась в другие квартиры, но мне больше никто не открыл. Пожалуйста. Я не обратилась бы к вам, если бы не возникла такая необходимость.

— Конечно, мы присмотрим за вашими дочерьми. — Мать Евы появилась из спальни, она уже переоделась, вместо ночной рубашки на ней было простое хлопковое платье и кофта. — Мы же с вами соседи. Ева, ты пойдешь со мной. Ты ведь не возражаешь, милая?

— Да, конечно, мамуся.

Отец девочек ушел на фронт и, возможно, погиб. Больше у них никого не было.

— Ева, скорее одевайся. — Мать Евы повернулась к мадам Фонтен. — Идите. И не волнуйтесь. С вашими дочками все будет хорошо.

— Спасибо, — сказала мадам Фонтен, по-прежнему не глядя им в глаза. — Я постараюсь вернуться поскорее. — Она сунула ключ в руку мамуси и ушла, прежде чем они успели еще что-либо ей сказать.

Ева быстро надела платье, которое носила днем ранее, пригладила волосы и вышла в гостиную к родителям.

— Вы ведь знаете, как мадам Фонтен относится к евреям? — не удержалась она от вопроса.

— Половина Парижа разделяет ее чувства, — устало ответила мать. — Но если мы будем сторониться их, если утратим великодушие, то позволим им уничтожить себя. Этого нельзя допустить, Ева. Нельзя.

— Я понимаю, — вздохнула она и поцеловала на прощание отца. — Татуш, иди спать. Мы с мамусей справимся.

— Молодец, дочка, — сказал он, целуя ее в щеку. — Присмотри за своей матерью. — Он нежно поцеловал мамусю и закрыл за ними дверь, когда они вышли в коридор. Замок тихо защелкнулся за их спинами.

Два часа спустя, когда Колетт и Симона все еще спали в своих кроватках, а мамуся тихо посапывала рядом на диване в квартире мадам Фонтен, Ева тоже начала дремать, но громкий стук в коридоре разбудил ее. Через щелку в шторах уже начали пробиваться первые слабые лучи солнца. Вероятно, вернулись мадам Фонтен с матерью.

Ева осторожно встала с дивана, стараясь не разбудить мамусю. На цыпочках она подошла к двери и посмотрела в глазок, ожидая увидеть мадам Фонтен, перебирающую в руках ключи. Вместо этого она увидела нечто такое, что заставило ее ахнуть и в ужасе отпрянуть назад. Дрожа, она заставила себя снова посмотреть в глазок.

В коридоре напротив двери их квартиры, находившейся чуть дальше по коридору, стояли трое французских полицейских. Снова раздался тот же громкий стук, который разбудил ее: полицейский в форме колотил в их дверь. «Нет, татуш! — мысленно прокричала она. — Не открывай!»

Но дверь распахнулась, и появился отец, на нем был его лучший костюм, желтая звезда аккуратно прикреплена с левой стороны. Один из полицейских, державший в руках стопку бумаг, что-то сказал ему, но что именно, Ева не разобрала. Прижавшись ухом к двери, она кусала губы так сильно, что почувствовала вкус крови.

— Где ваша жена? — Ева услышала, как низкий голос задал этот вопрос. Другой офицер вошел в квартиру, оттолкнув отца в сторону.

— Моя жена? — Голос отца звучал на удивление спокойно.

— Файга Траубе, сорока восьми лет, родилась в 1894 году в Кракове. — Голос мужчины был напряженным от нетерпения.

— Да, конечно. Она сейчас присматривает за детьми больной подруги.

— Где? По какому адресу?

— К сожалению, я не знаю.

— Хорошо, когда она вернется?

— Этого я вам тоже не могу сказать.

Ева слышала, как полицейские о чем-то тихо переговаривались друг с другом. Офицер, заходивший к ним в квартиру, появился на пороге и покачал головой.

— А ваша дочь? — снова спросил первый полицейский еще более сердитым тоном. — Ева Траубе? Двадцати трех лет?

— Она с матерью. — Тон отца внезапно стал ледяным. — Но она родилась здесь, во Франции. Вы не должны ее беспокоить.

— Она в нашем списке.

— Ваш список ошибочен.

— Мы никогда не ошибаемся.

— Неужели вы и правда считаете, что поступаете правильно? — возмутился отец, повышая голос, и Ева услышала глухой удар и резкий вздох. Она снова решила посмотреть в глазок и увидела, что отец зажал рукой нос. Один из полицейских ударил его. Ева стиснула кулаки, глаза защемило от слез, и она опять прижалась ухом к двери.

— Хватит дерзить нам. Пойдешь с нами, — сказал один из них. — Или, если хочешь, пристрелим тебя прямо здесь. Если в поезд погрузят на одного еврея меньше, я не сильно расстроюсь.

Ева подавила вздох потрясения.

— Разрешите мне собрать вещи, — сказал ее отец.

— О, не волнуйся. Мы вернемся и заберем все, что у тебя тут есть ценного.

Отец не ответил, Ева опять посмотрела в глазок и увидела, как он закрыл за собой дверь квартиры. Один раз он оглянулся через плечо и посмотрел на дверь в квартиру Фонтенов. Знал ли он, что она наблюдала за ним? Что она все слышала?

Но это было уже неважно. Не успела она и глазом моргнуть, как татуш скрылся из вида, а минуту спустя тяжело хлопнула входная дверь дома. Ева подбежала к окну, чуть отодвинула задернутые шторы и посмотрела вниз на улицу, заполненную темными полицейскими фургонами и целым роем людей в форме. Они выводили из домов мужчин, женщин и детей: некоторые были удивлены, другие — рассержены, третьи — плакали. Ева узнала Бибровских: двух маленьких ребятишек, Анри и Алину, и их родителей, Анну и Макса, а также Кросбергов — пожилую пару, живущую в доме напротив, они всегда махали ей рукой, когда она утром шла в университет.

Ева, зажав рукой рот, чтобы заглушить рыдания, смотрела, как ее отца подтолкнули к фургону. Из кузова появилась рука, которая затащила его внутрь. Но прежде чем исчезнуть из вида, он посмотрел на дом, и Ева прижала ладонь к холодному стеклу. Он кивнул. И Ева решила, что отец увидел ее и воспринял ее молчаливый взмах рукой как обещание: она позаботится о мамусе, пока он не вернется.

— Ева? — Глухой и хриплый голос матери раздался у нее за спиной из темной комнаты. — Что ты там делаешь?

Ева проследила за уезжающими фургонами и только потом повернулась к матери.

— Папу увезли, — прошептала она. — Полиция... — Она не смогла закончить фразу.

— *Что?* — Мать вскочила с дивана и бросилась к двери. — Куда? Мы должны пойти за ним. Ева, почему ты меня не разбудила? — сдавленным голосом бормотала она, тщетно пытаясь открыть замок. Но ее руки дрожали, и Ева подбежала к ней в тот момент, когда она упала на пол, а ее тело затряслось от рыданий. — Почему, Ева? Почему ты не остановила их? Что ты натворила?

Еву мучили угрызения совести.

— Мамуся, — тихо сказала она, пока мать плакала навзрыд в ее объятьях, — они ведь приходили еще и за тобой тоже. И за мной.

Мамуся всхлипнула.

— Этого не может быть. Ты — француженка.

— Я — еврейка. Они так считают.

В этот момент из комнаты девочек раздался пронзительный крик:

— Мама? Мама, ты где? — Это был тоненький и напуганный голос старшей из них — Колетт.

Мамуся с болью посмотрела на Еву.

— Мы должны пойти за отцом, — прошептала она и крепко стиснула руку дочери. — Мы должны спасти его.

— Не сейчас, — твердо ответила Ева, когда Колетт снова стала звать маму. — Сначала нужно придумать, как спасти самих себя.

Глава 3

Час спустя наступил рассвет и принес с собой безмолвный хаос. Улица под окнами квартиры Фонтенов заполнилась людьми, но тишина стояла почти абсолютная. Соседи собирались кучками, перешептывались, и ни на ком из них не было желтых звезд. Этой ночью из квартала Маре исчезли все евреи.

— Мы должны найти отца, — сказала мать Евы, обхватив себя руками и раскачиваясь на диване.

Две маленькие девочки, все еще одетые в ночные рубашки, сидели на полу и удивленно смотрели на нее. Наконец Ева глубоко вздохнула, отвернулась от окна, прошла по комнате и опустилась на колени между ними. Одной рукой она обняла Колетт, другой — Симону.

— Никуда мы не пойдем, — сказала она наигранно веселым голосом, крепко сжимая плечи девочек. — Сначала дождемся возвращения мадам Фонтен.

— Когда придет мама? — захныкала Колетт. Она чувствовала атмосферу страха, пропитавшего комнату, но не понимала, что происходит.

— Скоро, моя дорогая. — Ева натянуто улыбнулась. — Не стоит волноваться.

— А почему мадам Траубе так боится?

Ева посмотрела на мать, которая была бледной, как неиспеченный багет.

— Она не боится, — сказала Ева достаточно твердо, чтобы привлечь внимание матери. Мамуся подняла на нее глаза и посмотрела отсутствующим взглядом, а Ева добавила:

— Просто плохо себя чувствует. Правда, мамуся? — Но ее мать так ничего и не ответила.

Колетт на мгновение заглянула Еве в глаза, и тревога исчезла с ее лица.

— Может, мне что-нибудь принести для нее, чтобы развеселить?

— Какая чудесная мысль, Колетт. И почему бы тебе не взять с собой Симону?

Колетт кивнула с серьезным видом, взяла сестру за руку и повела ее в их комнату.

Как только девочки скрылись из вида, Ева обратилась к матери:

— Ты должна собраться.

— Но отец...

— Его увезли, — твердо сказала Ева, хотя ей не удалось унять дрожь в голосе. Страх всегда находит щелочки, через которые ему удастся прорваться наружу. — Мы обязательно придумаем, как добиться его освобождения. Обещаю. Но если и нас тоже арестуют, мы ничего не сможем предпринять.

— Но...

— Я прошу тебя. Я должна выяснить, как...

— Мадам Траубе? — Голос Колетт прервал их тихий диалог, они обернулись и увидели, что четырехлетняя девочка стояла в дверях с бумажной короной на голове, а в руках держала маленькую металлическую тиару. Колетт подняла ее вверх. — Когда мне бывает грустно, я иногда играю в переодевания. Хотите, вы будете принцессой, а я — королевой?

— Переодевание? — с удивлением спросила мамуся.

— Это такая игра, когда вы притворяетесь кем-нибудь другим. — Колетт нахмурилась. — Мадам Траубе, неужели вы не знаете про игру в переодевания?

Мамуся ничего не ответила, но Еву вдруг осенило.

— Ну конечно, — пробормотала она, и ее сердце учащенно забилося. Она вспомнила, что отец говорил ей про месье Гужона. Если отец заплатил своему начальнику, чтобы он помог ей, разумеется, он придумает что-нибудь и для мамуси. Они с мамусей станут другими людьми, по крайней мере, по документам — это ведь так похоже на игру в переодевания. Только ставки в ней невероятно высоки.

— Мадемуазель Траубе, а вы не хотите тоже поиграть?

Ева опустилась на колени рядом с девочкой.

— Нет, Колетт, но ты дала мне замечательную идею. Присмотрите за мадам Траубе, хорошо? — Она обернулась к матери и добавила: — Мамуся, если придет мадам Фонтен, все равно оставайся в ее квартире, что бы она ни говорила. Я постараюсь вернуться как можно быстрее.

— Но куда ты собралась?

— Я должна встретиться с человеком, который нам поможет.

Вернувшись в свою квартиру, Ева на ощупь пробиралась в темноте, радуясь тому, что сквозь шторы проникало немного солнечного света и она могла видеть очертания мебели. Ева так хорошо знала обстановку в комнатах, что в нормальных обстоятельствах смогла бы пройти по ним в кромешной тьме, но теперь у нее кружилась голова и она не доверяла себе. Кроме того, она не доверяла соседям, которые могли выдать ее, если бы услышали, как она ходит по комнатам, в которых никого не должно быть.

Неужели кто-то из них донес на ее семью? Еще можно было понять, как в списках тех, кого должны были отправить в трудовой лагерь, оказались ее родители, иммигрировавшие из Польши, когда им было по двадцать с небольшим лет; ведь Жозеф предупреждал ее насчет евреев, родившихся за границей. Но кто добавил в список и ее имя? Тот, кто хотел, чтобы и она исчезла и квартира освободилась? Траубе жили здесь больше двадцати лет, и, бесспорно, их квартира была одной из лучших в доме — в два раза больше почти всех остальных квартир. Могла ли зависть и алчность превратить кого-то из соседей в предателя?..

Ева прогнала от себя эти мрачные мысли. У нее не было времени предаваться гневу. Нет, ее единственная задача заключалась в том, чтобы увезти мать в безопасное место как можно дальше от Парижа. После облавы они, разумеется, не могли больше ходить с желтыми звездами на груди, но и просто избавиться от них было еще опаснее. Если они пойдут на этот риск, то после встречи с французским полицейским или

немецким солдатом, который попросит у них документы, их могут тут же арестовать за то, что они оставили свои звезды дома. Нет, они должны стать абсолютно другими людьми. Ключ к спасению находился в любой из этих безмолвных громоздких пишущих машинок, которые заполняли их гостиную.

Она отнесет одну из них месье Гужону, это станет ее пропуском в префектуру. Папа говорил, что его старый начальник обещал изготовить для нее поддельные документы. Она должна убедить его сделать такие же для мамуси. Это была их единственная надежда.

Ева тихо прошла в родительскую спальню, где взяла три самых лучших платья матери, несколько блузок и юбок, запасные туфли и тяжелое пальто, хотя июль выдался знойным. Но кто знает, сколько им придется скрываться? Она положила все вещи в потертый семейный кожаный чемодан.

В своей комнате она взяла три платья, брюки, юбку, несколько блузок, пальто и ботинки и также сложила их в чемодан. Затем нашла *carte d'identité*⁵, на котором жирными заглавными буквами было отпечатано слово JUIVE⁶. Удостоверение ее матери выглядело еще хуже, на нем была еще отметка о том, что она — еврейка, родившаяся за рубежом, и ей запрещены перемещения.

Она закрыла чемодан и вернулась в гостиную, где положила одну из машинок в чехол, заткнув под нее удостоверения личности, принадлежавшие ей и матери. Возможно, они понадобятся месье Гужону, когда он будет изготавливать для них поддельные документы.

Оставив чемодан в прихожей, она закрыла дверь квартиры и быстро направилась к лестнице, низко опустив голову. Ее рука так сильно сжимала ручку чехла пишущей машинки, что побелели костяшки. Ева сильно рисковала, выходя на улицу без звезды. Но она рассчитывала, что полицейские, занятые арестами других евреев, не обратят на нее особого внимания, тем более если она будет держаться уверенно. В конце концов,

какой еврейке придет сейчас в голову направиться в самый центр Парижа, да еще и с улыбкой на губах?

Еве понадобилось двадцать минут, чтобы спокойным шагом — что давалось ей с большим трудом — добраться до высокого здания *префектуры полиции* на острове Сите посреди Сены. В этом здании также располагалась городская администрация. Именно здесь работал ее отец до того, как были приняты первые антисемитские законы. И именно здесь, без сомнения, организовали сегодняшний ночной налет. Она входила в чрево чудовища, но другого выхода не было.

Она обернулась и, запрокинув голову вверх, посмотрела на величественно возвышающиеся у нее за спиной две башни собора Парижской Богоматери. Открыв дверь префектуры и входя внутрь, Ева подумала о работающем тут каждый день руководстве полиции. Особенно о тех, кто распорядился этой ночью собрать всех евреев и увезти их, словно мусор, — как они могли творить подобные злодеяния в тени Божьего дома?

— Мадемуазель? — Голос, прозвучавший слева, едва она закрыла дверь, заставил ее вздрогнуть. Она обернулась и нервно сглотнула — прямо перед ней стоял немецкий солдат.

— Да, месье? — Она задрожала и покрылась испариной.

Он смотрел на нее не столько подозрительно, сколько устало.

— Куда вы идете? — спросил он с сильным немецким акцентом. Ева замешкалась с ответом, а он окинул ее взглядом с ног до головы, задержавшись на выпуклостях груди под платьем. Когда солдат снова поднял глаза на ее лицо, она уже знала, как все это можно обыграть.

Глубоко вздохнув, она одарила его самой очаровательной улыбкой и захлопала ресницами.

— Я и не знала, что ваша форма вблизи выглядит такой красивой, и отглажена она просто идеально. — Солдат покраснел, а она быстро добавила: — Видите ли, отец попросил меня отнести эту пишущую машинку. Он их чинит, но сейчас приболел, а ее нужно вернуть именно сегодня.

Ева задержала дыхание, пока немец, которому на вид было не больше восемнадцати-девятнадцати лет, изучал ее. Если он попросит у нее документы, удостоверяющие личность, или обыщет содержимое чехла, она пропала.

— К кому вы пришли?

— К месье Гужону, он на втором этаже.

— Вы знаете, где его кабинет?

— О да, я здесь уже много раз бывала. — Она говорила правду. Еще подростком, до того, как пришли немцы, Ева любила приходить к отцу на работу после того, как заканчивались уроки в школе. Ей нравилось разглядывать разные печати, ручки, машинки. Месье Гужон часто давал ей стопку листков и карандаш, чтобы занять чем-нибудь, пока отец колдовал над очередной пишущей машинкой. Ева любила делать наброски, и со временем у нее стало так хорошо получаться, что месье Гужон поинтересовался у ее отца, не думает ли она стать художником. Но рисование никогда не было ее страстью, в отличие от книг. И она сказала отцу, что, даже если у тебя что-то хорошо получается, это вовсе не означает, что тебе нужно посвятить этому делу всю свою жизнь. Отец тогда рассмеялся, заметив, что ей очень повезло обладать таким талантом. «Однажды, — сказал он, — ты еще оценишь дары, которыми наградил тебя Бог».

— Хорошо, идите, — сказал молодой немец и снова устало ссутулился.

Ева направилась к лестнице.

— *Merci!*⁷ — крикнула она ему через плечо.

Ее сердце все еще колотилось как бешеное, когда она, поднявшись на второй пролет, открыла дверь в кабинет месье Гужона, даже не постучав. Тот в одиночестве сидел за столом. Он поднял глаза, удивленно округлившиеся под косматыми седыми бровями, пока Ева поспешно закрывала за собой дверь.

— Ева Траубе? — спросил он и уставился на нее как на привидение. С момента их последней встречи его волосы поседели еще сильнее, и выглядел он лет на десять старше отца,

хотя Ева знала, что они были примерно одного возраста. Под глазами у него залегли темные круги, а щеки обвисли так, будто у них больше не хватало сил держаться на лице.

— Сколько же лет мы с тобой не виделись?

— Месье Гужон, простите, что вот так вломилась к вам.

Он встал и обнял ее.

— Я слышал об облаве и подумал, что, возможно...

— Моего отца арестовали, — твердо сказала она, отстраняясь от него. — Мы с матерью тоже были в списке, но нам повезло — в тот момент мы оказались в другой квартире.

Месье Гужон побледнел и отступил назад.

— Боже мой.

— Месье, у нас мало времени. Я прошу вас, мне нужна ваша помощь. Отец сказал, что обо всем с вами договорился. Что вы можете изготовить для меня поддельные документы. Нам с матерью нужно поскорее уехать из Парижа.

Месье Гужон посмотрел на чехол пишущей машинки в руках Евы, а потом — на дверь у нее за спиной. Наконец, он снова взглянул на нее и поджал губы.

— Но что я могу сделать? Я обещал ему, что помогу только тебе, а не твоей матери.

— Я не могу ее бросить. Это невозможно.

— Ева, она разговаривает с акцентом, и потом, честно говоря, она очень похожа на еврейку. Риск слишком велик. Ее непременно схватят. А потом она выдаст меня...

— Но вы же не откажете нам в помощи? — Панику в душе Евы сменил гнев. — Мой отец много лет проработал у вас. Он был надежным, добрым.

Лоб месье Гужона сжался в гармошку, казалось, еще секунда, и он расплчется.

— Ева, я хочу тебе помочь, но если обнаружится, что я занимался подделкой документов, тем более для польских евреев...

— Вас могут арестовать или даже казнить. Я знаю. — Ева, подойдя к нему поближе, понизила голос. — Месье Гужон, я знаю, о чем прошу вас. Но наш единственный шанс — это